

Баженов А.В.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВИЯ В СТРАНУ МОТИВАЦИИ

1. Умопостигаемое и чувственное в вопросах монизма и «плюрализма»

Требование науки добиваться формулировки законов в своей области касается и философии. Однако, как и в науке, таящаяся за очевидностью неизведанность, немало определяет, производимое в философии. Исторически сложившееся разделение чувственного и умопостигаемого в философии, наиболее резкое там, где речь идет о методах изучения умопостигаемого, скажем, психического, еще более резко в отношении требования единства метода или сохранения многообразия. Кажется, что наука стремится к первому, философия сохраняет второе. Поэтому существует ряд законов, связанных с жизнью человека, его миром, как он есть. И ряд законов, не так легко демонстрируемых, но понятных на языке терминов, за которыми стоит принимаемая, хотя и с оговорками, некоторая опосредованная реальность (особенное). Первый ряд законов не так легко демонстрируем, но без него затруднено взаимодействие и понимание. Второй, наоборот, легко демонстрируется, хотя и дополняющее к первому ряду законов. В первом ряду нельзя «изобрести» о чем идет речь, оно «есть», второй кажется изобретенным человечеством способом изменения того, что есть. С огромной долей условности, можно обозначить второй ряд – познанием и его законами и поставить ему в соответствие какой бы то ни было познание природы.

Однако, определить второе через природу, ее развитие и познание в развитии – значит воспользоваться именем, не менее приложимым и к

первому, якобы «не-природному», тогда или вовсе не определяемому, либо существующему наряду с признанием, что некоторое имя, не менее, чем «природа» может быть применяться ко всему, чему угодно. Но пусть мы условимся принять и вторую и первую под одним именем «природа». Тем не менее, мы продолжаем различать теперь некоторый более стационарный и более динамический «виды» природы, т.е. включаем это обнаруженное различие первого и второго в понятие, представление, даже «мышление». В отношении этого последней области не легко (хотя и следует) теперь изыскивать природность и характер этой природности. Решение этой задачи,— первоочередной важности для рассуждения о природе психического. Все же не достаточно заявить (И.Шеллинг, А.Лосев), что определение одного или другого природой подобно выделению одного на фоне другого, и это не мешает мышлению, а определяет его «движение», выделяет по его «ходу» степени «реальности» (скажем, физическая или этическая), с вытекающим дуализмом (плюрализмом). Одним из возможных контраргументов такому выводу может быть принцип «практичности», т.е. принимаемая (Г.Гегель, К.Маркс) не умозрительность, а «необходимость» практического обнаружения в категориях обозначенность, действительность, но не умозрительность природы (явления-сущности). Опять, обозначим это свойство мышление быть практичным на языке метода, а скорее, мировоззренческого мышления в отношении всего существующего, не совсем удачным словом «монизм», противопоставленному опирающемуся на меньшую «необходимость» и большую «свободу» плюрализму.

Предположим, что монист (а в отношении перспектив практического включения познания в практику его, вместе с некоторыми, можно назвать «оптимистом») считает не только возможным, но и нужным включения вопросов человекознания в познание. Но здесь мы не можем отыскать его отличие от также включающего вопросы человекознания (и «свободы») в науку. Без способов, методов или подходов их позиции не различимы, хотя бы «вид» вопросов мог бы и различаться в отношении «чувственно»

затрагиваемое (опытного) и умопостигаемого, включающих уже вопросы такой терминологической области, как причины, время, пространство и «материи» (скажем, таковы «доопытные» виды «ленты Мёбиуса», аналогичные, скажем, генам в биологии или другим «концепциям», выступающим заместителями познания. В концепции «доопытного» подхода не различимы естествознание и человекознание, как, скажем, одинакова аргументация о существовании зомби и их не существовании, поскольку высказывание о том, что возможны не-людские люди, основан на интуитивном тезисе, что «я человек», интуитивном, хотя, тем не менее, выводим из обобщения, что люди, - это «мы». Поэтому одинаково недостоверен тезис, что «я – зомби», поскольку без его проверки – иные тоже зомби, а сам способ проверки, может нести только содержание методов человекознания (иначе у него нет критерия отличия человека от не-человека).

Проиллюстрируем, хотя и кратко этот тезис в области человекознания, воспитания.

Итак, оптимист может предположить, исходя из этого, о редукции, сведении воспитания к природному основанию, регулированию поведения (бихевиоризму). Допустим, он посчитает, что использование в воспитании практики наказания и поощрения, благодаря своей единственной роли регулятора доказывает свою причинную связь. Можно ли считать такой вывод «природным» и лишаящим его «тени», пессимиста, аргументов? Тогда бы мы отказались от излишеств использования терминов «свобода» и убедились в «неконцептуальном» верховенстве каузальных связей, времени, пространства и так далее (Г.Гельмгольц). Тогда понятие необходимости сблизится с понятием реальности как «концепция», или когнитивное отражение (необходимая эмоция, приводящая, мотивирующая реальность, своего рода «когнитивная эмоция» (Б.Спиноза). Нет, пессимист возразит, что наказание и поощрение уместны только там, где есть «свобода выбора» человека поступка, и, следовательно, предполагает «концепцию» совести, т.е. субъект, на которого нацеливаются эти методы наказания и поощрения. На

это оптимист ответит, что он вовсе не исключал некоторую свободу как «возможность», т.е. необходимое условия всякого, а не только человеческого действия, которая проявляется во всем многообразии реальности и ее условия поступка человека, а только подчеркнул разумность этого поступка, соотнеся с методами воспитания (хотя возможны и иные подчеркивания, скажем, его психологии и проч.). Более того, и само понятие воспитания в человекознании предполагает переход от менее развитого к более воспитанному состоянию и смене одних, случайных и ошибочных поступков на менее ошибочные (в соотнесении с перспективой не ошибочности в главном – жизненном «деле»). Такой поступок может быть исправлен. Но на такое утверждение снова может повлечь возражение, что такая практика без свободы вовсе не нацеливается на изменение человека (поскольку поступок уже совершен), а только корректирует некоторый «разум» человека, и его способность делать выводы и прилагать к будущему, которое без понятие его будущей свободы, но с предсказемым заранее результатом теряет всякий смысл как понятие «воспитания» без «обратной связи». Изменение же позиции под «нажимом» вовсе не касается человека, поскольку под «нажимом» или без него человек не лишается ответственности за свой поступок, и в этой ответственности лежит активный источник методов наказания и поощрения (Г.Франкфурт). Без этой активности или жизненности сферы (и законов) ответственности, концепции оптимиста (или психологии мотивации), методы воспитания ради назидания другим не подчеркивают неотвратимость причин, а наоборот, их вторичность в отношении человеческого опыта, которые может быть настолько нов, что обесмысливает все прежние методы наказания и поощрения и т.д. И опять, оптимист сошлется на необходимость концептуального оформления понятия «свободы», без чего всякий опыт не передаваем, а иначе, чем в практически осуществляющих концепцию воспитания методах поощрения и наказания, никакое человекознание (психология) не выразимы, но остаются индивидуальными фантазиями. (Теперь понятно, что пессимизм – это личное

мнение всякого, потерявшего «реальность», обидевшегося на то, что на его мнение не обращают внимание, оптимиста). Круг замыкается на понятии реальности/жизненности. Хотя могут еще последовать на это слова пессимиста о потерявшем в этом споре оптимисте, который начал с выдвинутого о преобладании поведенческого управления тезиса оптимизма, бремя доказательства которого несет он, вместо чего перекладывает ответственность и обвинения на пессимиста. Или, возможно, кто-то из спорщиков постарается оставить спор в практической или «аналогического» плоскости «легкого» вопроса о сознании машинного интеллекта и сближения оговариваемых научных установок в будущем на основе позиции «фикции завершения»). Так или иначе, но сама возможность сближения или разрешения этого спора, присутствующего (под разными именами) в философии психологии, предполагает хотя бы множественность (плюрализм) там, где для начала речь заходит о выборе источников для методов (психологии), объеме включаемого содержания познания (эмоции, машиноподобный интеллект и т.д.) и способов проверки этих методов. С некоторой долей условности в позиции мониста или оптимиста мы можем узнать некоторые аналогии среди философских позиций (скажем, Б.Спинозу и некоторых рационалистов), а также некоторых философов в позиции пессимиста или плюралиста (Д.Юма).

Еще раз, для философии психологии этот вопрос первоочереден из-за позиции устойчивого или «эмерджентного» появления закона, его необходимости или «характера необходимости» (природной, логической, иной) как истины в сфере психического образа, над которым так неустанно работала философия, а теперь и ее ответвление, философия психологии.

Одним из современных освещений этого вопроса является два его подвида рассмотрения: место и истинность репрезентации психического образа, и возможное тождество или допустимая замена «метафизических» вопросов «концептуальными» (Г.Мур, Л.Витгенштейн, Дж.Принц).

2. Страна мотивации

Определение.

Первоначальным определением мотивации может служить система мер и психических инструментов (образов), организующихся для упорядочивания деятельности человека, как человека, социального существа. Деятельность и мотивация – разные стороны или аспекты одной психической реальности при том, что единицами измерения скорее выступают внешне организованные на приобретение опыта деятельности, а мотивы выступают как их словесно выраженные знаки или символы, в то же время опосредующие «во внутреннем плане» саму деятельность в моменте ее перехода (в дифференцированном) виде. Поэтому мотивы в осознанном виде обнаруживаются одновременно со всей эмоционально-волевой сферой как подчиненные цели в рациональном сцеплении (через мышление) причин поступков. Или, если мы берем только мотивы осознанные – то теперь они будут условными единицами измерения участия человека в более общей жизнедеятельности. Таким образом, в понятии мотива есть двухступенчатость. (В то же время эта многоступенчатость существенна для изучения мотивов, - Мотив для себя это причина (вынесенная из движения), мотив для другого - это намерение (движение)). Таким образом, встает методологическая и теоретическая проблема обоснования самой сферы мотивов, не фиксируемая отчетливо в прежних подходах, и не закреплённая в опыте экспериментальных исследований.

О принципиальной не симметрии мотивов. Мотив – сам по себе, как свойство «чисто человеческой деятельности», деятельности «самой себе», его существенная черта. Разграничение двух подходов: классического и новейшего, расширяющего границы познавательной способности человека от животной «чувствительности» до уподобления искусственному интеллекту.

Существует несимметричность между мотивами не только «изнутри», но и вовне, - мотив одного человека не равен, несоизмерим с мотивами

другого человека. Эта несимметричность, похоже, связано с глубоким, а не поверхностным различием людей, поэтому мотивы, в некоторой мере, отвечая этому различию, проявляются в несимметричности, как свойстве глубины человека на уровне его повседневного опыта. (В мотиве не было бы необходимости, связывая он только плоскостно смену одной деятельности на другую). Поэтому мотив одновременно – отдельная сфера опыта, связывающего человека с общими ценностями (например, при выборе профессии), и тут же он организует когнитивные стороны деятельности, например, память, причем (по некоторым данным), и текущую, а не только долговременную, оперативную память, которая служит основанием для продуктивного мышления. В этом отношении мотивы и их исследование может быть спутано за счет разного рода понятия о мотивах: в одном отношении – это свойства или особенности функционирования когнитивного аппарата отдельного человека (простой смысл), в другом – это и есть сама природа человека, организующего свою деятельность по мотивам. Раньше психология занималась мотивами во втором смысле, но начиная с XX века, все чаще исследуют мотивы в первом смысле.

Такая смена подхода вызвана расширением понятия разума в сторону как «животного» психического, так и моделирования сознания. Новый подход имеет положительную сторону в том, что в него включают исследования эмоциональной сферы, ранее приписывавшейся животной природе, например, рассмотрения агрессии, обиды, раскаяния и прочих в сфере рационального аргументирования их места в деятельности, т.е. аргументирования того, что может быть не лишено мотива во втором смысле, а именно, представления о месте человека в мире, его антропологии (тогда как первый подход резервирует за собой психология), к примеру, при решении вопроса о свободе действий человека, свободе воли. Этот первый подход имеет и отрицательную сторону в том, что человек все еще рассматривается с элементами натурализма, хотя и взятого в функциональном отношении (связи всего со всеми, поэтому возможности

появления нового на старом). Условливаются, что рациональная аргументация может быть необходимым, хотя и не достаточным Мотивом появления «глубокого», сложного человека.

Поэтому при рассмотрении мотивов нечего ожидать упрощения, наоборот, следует ожидать «диалектики», или, по крайней мере, диалога разного рода течений, или «намерений», свойственных соотносительностью одного с другим (или одного через другое): так, в начале XX века некоторые исследователи приписали мотивам и мотивации «изначальное» свойство, названное им «интенциональностью». К чему этот подход может привести, исследователи рассматривают на «мысленных опытах», воображаемых, моделируемых условно ситуациях, дополняющих мотивы мышления до его противоречивости. Не очевидно, однако, стоит ли ожидать от конечной противоречивости перехода к новой ситуации, или, наоборот, видеть в полученной противоречивости не завершенность самого подхода. (Споры здесь еще продолжаются).

Во всяком случае, все-таки второй, классический подход к мотивации остается все еще актуальным хотя бы потому, что стоит на «незыблемых», а не релятивистических основаниях полагания изначального верховенства одного мотива над другим и ошибочности выбора поступка по смешанному, а не «чистому» мотиву «самому по себе». Т.е. сфера мотивации начинается с мотива не «потому что», а «самого ради себя». Следовательно, мы должны начать изучения мотива с деятельности «самой по себе» (я делаю это не ради себя (тебя), а потому что не могу не делать). Хотя изначально в истории философии это связывалось с условиями окружающего мира человека, например, первичности для человека борьбы Вражды и Любви, как у Эмпедокла), классический подход полагает в начале, добро. Таким образом, до результата деятельности должно быть что-то его обеспечивающее в деятельности, и это Причина с большой буквы, даже если осознанно человек руководствуется целью, приводящей к успеху. Древние платоники абсолютизировали эту начальность в фиксации различия между

осуществлением, энергией и осуществленностью, формой, или между зрением и видением и так далее. Энергия как свойство деятельности более важно, чем конкретные обстоятельства потому, что в процессе последнее происходит «сдвиг» мотива на цель, - человек приходит к результату и теперь начинает с него как уже полного всеми энергиями, переходит в новую «энергию» деятельности с новым мотивом, обогащенным «опытом». Возможен и обратный процесс сдвиг «цели» на мотив», когда важность формообразующность деятельности не дает новой энергии, но остаются «в себе» без энергии, движения, деятельности (хотя и полна формами). Поэтому здесь мотив – характеристика «живого движения», или условно говоря, символ движения, развития, времени. Поэтому на уровне физиологическом, может быть неразличимы или тождественны действия (психофизиологические) и время, при том, что сознание человека фиксирует только результат, а когнитивные способности отмечают изменения длительности, как бы «мотив» здесь равен «мувере» - двигать, развивать, и есть свойство для познавательной сферы человека в целом.

В этом отношении «тождественности» сферы мотивов чему-то иному, отчужденному, нет «отбоя» от претендентов на верховенство. Во всяком случае, сама культура слова, с выделенностью его функции направлять, приказывать, кажется тождественной мотивам именно в «глубоком» смысле, поскольку регулирует отношения между людьми наподобие «приводов» между колесиками социального существа. То, что такой механизм чужд человеку хотя бы в негативном смысле его неприятия, показали, как минимум Маркс и Дарвин в социально-экономической и психофизиологической сферах. Происходящее социальное отчуждением мотивов, по Марксу, не является глубинным, а только преходящим свойством социального опыта, к тому же (по Дарвину), не передающегося по наследству, но фиксирующее на поверхности всего лишь «игру» коллективных сил. Подменять действительные мотивы их поверхностной символизацией, значит обманываться. О последнем по-своему предупреждал

психоанализ З.Фрейда, хотя бы и просто указанием на то, что, поверхностное изучение мотивов может закрыть диалектику их развития, что чревато как минимум психическими расстройствами и болезнями.

3. О функционализме при изучении мотивации

3.1. Признаюсь, что для меня то, что связано с написанием научной работы, с ее оформление и всего остального, скорее – элемент везения, иногда своего рода «хитрости» и обмана «высоких требований» к «науке». В-общем то, всегда можно найти методы, которые обходят, упрощают поиск материала, и проведение опыт и даже расчеты. Например, для поиска материала есть интернет, для опыты годится все, что интересно и можно как-то оформить, для обработки – несколько хитростей в математике, которые нужно знать или спросит у знающих людей. Вообще-то – это сфера «экспертов», знающих, в которые иногда заходит дилетант, но ему следует воздержаться от поспешных выводов, что так и устроена вся наука (мол, в наук, если знать, то «все пойдет...»). В-общем, это такие «задние двери», которые какое-то время назывались скептицизмом, но в новую эпоху (с начала науки как профессии, когда бы это не случилось), эту область прозвали сферой опыта (эмпирия – это область под Небесами, где происходит что-то около-земное, вообще эмпириями назывались в древности все небесные сферы). Эти вот хитрости тоже имеют свои правила. Например, начинать с хорошо известного, с точно «видного», потом, соединять видимое в сравнения (вроде выбора слева-справа «хочу-не хочу»), а потом ожидать «решающего», проверочного опыта, понемногу (по-шагово) меняя условия. (Самый простой пример – то, что пакет с чаем не заваривается, значит, - вода не горячая – вот критерий горячности воды (хотя, возможно, чай не «настоящий»). Вот это слово – настоящий здесь не важно, а важно варьировать условиями заваривания так, чтобы добиться наилучшего «заваривания». Можно распространить эти условия на «чайник», но опять-

таки, главное – это пригодность функции чайника кипятить воду, которая заварит пакетик, варьируя условия кипячения (медленно-быстро), выключать сразу или «пусть покипит» и т.д. В-общем, все крутится вокруг своего рода «функции» заваривания (крутого кипятка), а по сути – вокруг «ПОДОГНАННОСТИ» одного условия – другому, пакетика- кипятку, и так далее. Для нашего знания (человеческого) вроде и маловато, для некоторых задач пойдет, тем более не обязательно считать, что есть вот это в е «настоящее», - что у нас есть, то Есть. Таков поначалу «эмпиризм».

Теперь посмотрим на психологию и возьмем в качестве примера детей. Очевидно, что здесь этот метод вполне применим и интересен. Вспомним «игру в прятки»: там игра в разном возрасте разная. В 2-3 года (стоит за деревом и прячется, а мама как будто его не видит), а потом, если его не нашли - плачет, в 3-5 лет (мама «спрячься по-настоящему, я буду тебя искать»), а если не нашли, - то «кричит – вот он я, где спрятался»), а в 5-7 могут забыть если спрятался и не нашли, будет сидеть до конца игры. А для эмпириков – это функция, функция «памяти», например (хотя и кажется, что речь идет о мотивации разной в разном возрасте). Вот и опыт (сначала инструментальный, описан у Аснина, харьковского исследователя 30-40-х): ребенок не может достать конфету, если надо рычагом ее подтягивать не «на себя», а двигая рычагом «от себя», потом догадывается и находит способ. Приводят более взрослого в присутствии этого ребенка. Тот долго не может сделать то же самое. Младший не выдерживает, и показывает, как он сделал. Тогда старший говорит: «ну это так просто, я думал, все сложнее»... Проводили и опыты, чтобы понять, в чем тут разница (кажется, еще одни наш харьковчанин П.И.Зинченко). Давали запоминать в связи картинки и числа (на картинках). Меняли инструкцию, что запоминать, а потом спрашивали не то, на то, что предлагали вначале смотреть (Например, изучать картинки, а потом спрашивали, какие запомнили цифры). Естественно, оказалось, что картинки запоминаются в 18 раз! Больше чисел. Но вот это оказалось как раз возрастное различие. (Если верить Мещерякову

Б.Г., откуда пример), то дети всего в несколько раз больше запоминали картинки, а, наоборот, вполне, на фоне картинок, запоминали числа. Вы скажете, что это – эффект обучения, когда числа изучают. (так-таки да, наверное!), но суть в то, что тот же образ в памяти он, вполне возможно, совсем иначе устроен для маленьких и больших (ведь мы иногда отчетливо помним свои детские воспоминания именно в тех «старых» координатах больших предметов, которые не узнаем, оказавшись в местах детства). (Возможно, еще интересный пример из другой книжки – о том, как детям давали для рисования набор карандашей, после чего вознаграждали некоторых за рисование именно в этом наборе карандашей. Спустя время и награжденным и не награжденным приносили в разы больший набор карандашей и просили опять что-то порисовать. Награжденные были в шоке от этого обилия и не особо рисовали, а если и рисовали, то, опять ожидая награды, не так раскованно, как не награжденные, увлеченные обилием новых красок и т.д.). Опять же, мы могли бы ожидать от награжденных большего усердия, но они «зациклились» на условии награждения, т.е. мотив для них стал целью. Но это наши домыслы. А что говорит «эмпиризм». Он говорит, что должен произойти переход из сферы воображения (и памяти) в сферу мышления, а для этого должны созреть новые условия оформления своих поступков речью, умение называть словами вещи, и «высвобождая» себя от привязанности эту предметному миру. Это – дело «второго детства» (8-13), и ведущей функцией становится мышление (причем творческое). Итого, в эмпиризме – та же реальность, что видит любой человек, только организованное по законам «простоты», и пригодности (подогнаности), чтобы не сказать «спрятанной» наглядности. Конечно, за действием, функцией, стоит образ, но образ представляется всегда разной стороны, а мы, «естествоиспытатели», вновь и вновь его ищем, стараясь сформулировать «закон». Так же и с обработкой данных. Например можно проводить массовые эксперименты. А можно (так делал и Лев Выготский), взять близнецов, и посмотреть на их различие в проявлении этих функций (памяти,

воображения, мышления), и особенно, на то, как их различие выступает в их общении – ведомость и главенство какой-то функций в одном периоде у одного, а потом, наоборот, то, что было подчиненным (к примеру, речь у другого), делает его ведущим в паре спустя какое-то время. Математика здесь легче (так как статистика здесь не такая большая), а наглядность в смысле внушительности может быть вполне очевидной. Однако достаточно ли это нам для знания, что Есть мотивация? Тем более для возраста, в котором уже накопился свой собственный «опыт», и уже есть правила самопроверки и самомотивации? Стоит подумать...

3.2. Теперь попробуем обосноваться на этом «функционализме» (такой себе вариант «эмпиризма», а в общем, как уже говорилось, «хитрости» для простоты понимания). И спросить, а в какой мере, вся эта «память» или «мышление», взятые в сравнении друг с другом, могут быть «настоящими» в работе (а не «ходульными» для успокоения – где память, это то, что «вспоминается в глубоком прошлом», мышление, - где «хитрость «проходит» удачно»), т.е. в настоящем, кризисном жизненном периоде, где заканчиваются твердые основы, где настоящие «функции»? Вот опыт для обсуждения: скажем, дали человеку в долг энную сумму, а потом он долго не отдает. Спустя время, когда человек уже забыл почти, что давал в долг, появляется должник и отдает долг. Что скажет кредитор и от чего зависят его слова? Злопамятно будет учить правилам отдачи долга? Радостно похвалит должника, что вернул долг и порадуется вновь обретенным деньгам. И сможет ли то, как он отреагировал, назвать правильным? А если назвать правильным, то передать этот опыт другим? На первый взгляд кажется, что все зависит от человека, от его характера, хотя мы Интуитивно будем «на стороне» радующегося возврату долга, не имея твердых оснований (мотивов) выбирать в его, а не в пользу первого.

Первый ответ на эти вопросы приходит из сферы искусства, где нет жестких требований к «норме», и парящей, распоряжающейся в отдельные периоды жизни над всем человеком. Мы интуитивно на стороне бабочки в

басне «Стрекоза и муравей», хотя она «лето красное пропела...», Мы не осуждаем убийство Гамлета родственников, хотя и считаем его каким-то слишком раздумывающим над жизнью «философом», да просто хохочем над заумным и плачем и радуемся всему милому «сердцу». Можно назвать такую сферу романтизмом (возможно, она и близка эпохе раннего взросления). Что это такое? Некоторые психологи заметили, что человеку достается в удел только то, на что он претендует, правда, в искаженном виде: например, он музыкален, но у него как раз отказывает функция памяти на ноты, но он заменяет ее эмоциональной памяти и почти точным воспроизведением на импровизацию, разницу которой между которой незнающие не замечают и радуются, а знающие радуются, от того, что замечают, - что музыкант нашел себя в этом новом функционировании. Или, еще, желающий стать доктором обнаруживает, что у него нет памяти на лица, и преодолевает недостаток с помощью организации труда и т.д. Конечно, это функция мышления, хотя и это мышление, нацеленное на вне его находящееся, не имеющее своим предметом самого себя. У меня был опыт исследования, где два брата в одной большой фирме работали на подобных работах в разных подразделениях, причем к одному за его «функции» было прекрасное отношение, к другому, за те же «функции» ужасное. Выяснилось, что их начальство одинаково формально выделяло важные функции «думать», но в одном коллективе у одного начальника (а они были охранниками) указывалось на их умение реагировать (думать в кризисе), а у другого – на то, чтобы заранее продумывать, чтобы кризиса «не было». (Поэтому одни охранники в приоритетах было их предметная, Видная сила, а в случае чего, - они бы «подставлялись под пули» по «долгу», а у других – сила «предВидимая», и они радовались, что они могут не подставляться, а заранее предугадывать кризисы. Понятно, что в первом коллективе один брат (да и братство) был не так важен, как во втором). Вообще здесь речь может идти о «ценном», и о возможности хотя бы мысленно от чего-то ради чего-то отказываться (ценность – относительно другой ценности) (хотя для не-эмпириков есть

Абсолютная ценность, но это вопрос не входящий в нашу тему). Еще один опыт может подсказать, что именно в связи функций (памяти мышления) со значимым иным и обнаруживается «ценность» самого мышления. Т.е. Само действие во выборе, поступок – это проявления функционирования ценности. «жертвующего одним ради другого». НО что значит «пожертвовать?». Свобода, деньги, время, даже здоровье – это то, чем мы постоянно «жертвуем», иногда осознанно, чаще нет. Но чьими ресурсами мы жертвуем? Чаще другими, поскольку делая что-то, мы можем потом «взять» свободу или материальные ресурсы у других, для восстановления своего «статус кво». А можно ли вообще жить, не жертвуя и не подставляя? Вначале кажется, что да. Есть сфера мышления, творчества и т.д. К сожалению, все же вначале не все гении, и все-таки чем-то надо жертвовать (наука, искусство и т.д. требуют «жертв»). В одном опыте (придуманном не мной) составлялась табличка выбора вот этого всего, что есть (и чем можно пожертвовать). Потом человек подставлял в этот список людей, которых теперь косвенно оценивал по наличию того из списка, что у них есть. После чего оценивал и себя. Обычная процедура, интересная тем, что оценивая себя, человек связывался (через вещи) с другими людьми в такие ассоциации, которые или давали ему положительную самооценку или отрицательную. И оказалось, что в «положительной» ассоциации он оценивает себя, как будто, у него нет любви (дружбы часто), хотя по связям он находился с теми людьми, которым наличие дружбы приписывал (как будто бы он «делегировал им свою любовь и дружбу»). И он как будто бы говорил, что вот любовью он не может пожертвовать, ее у него и так нет. А вот со здоровьем было иначе (кроме тех случаев, где оно было основой профессии – например, у тех же охранников). Там, где по этому свойству человек связывал себя с другими, была положительная самооценка, но вот у тех людей (если они были), не так важно было здоровье. Т.е. здоровьем он как раз мог пожертвовать, но, если это не был как описанный выше случай с жертвованием, как правило, чужим здоровьем и чужой свободой, его

пожертвование здоровьем не было ценным делом (хотя и могло повлиять на его выбор друзей или профессии). Здесь не все еще ясно мне (кое-какие опыты из подобных, я еще и недавно проводил в группе психологов), но ясно, похоже, что и мотивация и ее глубина связаны с критическим обменом ценностями, в которых и происходит реальное «функционирование» и памяти и воображения и мышления с интуицией. Но включается как-то и речь. Но пока стоит вернуться к методам и продумать, какие же методы в этом втором обзоре лучше помогают понять мотивацию.

Итак, я упомянул сферу искусства и присутствие там сложных, мотивирующих ситуаций, или, может быть, в самой сфере искусства лежит какой-то ключ. Например, исходя из точки зрения того, что автор описывая героя, пишет о себе, - значит, изучая произведение мы немного обучаемся науке «мотивации». Однако последнее утверждение – спорно из-за трудности повтора не только таланта, но и вообще пути другого, хотя, не спорю, что очень важный элемент в обучении искусством присутствует, так как включает мышление, а не повтор и заучивание. Однако в искусстве можно увидеть и разные мировоззрения с разными ценностями, -где-то верховенствует самолюбие, где-то пишут о любви, и еще где-то о достоинстве и справедливости. (Я уже говорил, что конфликт между этими, или другими ценностями может быть в центре какой-то «судьбы», т.е. эпохального противоречия, и быть свойственным даже не одному человеку, а поколению, отражаясь, как в капле воды в произведении искусства, но мы не должны «распутывать» этот конфликт или считать его недолжным. Наоборот, такие конфликты (любовь-здоровье, например), как-то относятся к более общим свойствам человека «выходить из себя», обращать внимание на других. Искусство редко специально планирует чувства (но предполагает), а вот в жизни такими «регуляторами» (можно сказать мотивами «без образа») являются чувства радости, обиды, боли, великодушия и проч.-проч. (Упрощенно так и понимались первоначально «мотивы», - т.е. так, как они появляются как постоянные темы с активным моментом, - так же и мотив

песни, - повторяющийся но, имеющий свою силу, мотив орнаментальный, архитектурный мотив. Совсем узко, в литературе, мотивы «персонифицируются», выступая как аллегория процессу, «функции» в произведении целого («подвигать», «тормозить» развитие, способствовать или ослаблять в отношении целого, - отсюда мотивы «странника», «шутника», и т.д.). Здесь легко поддаться фантазии, чтобы расширить «мотивы», и видеть уже за рамками литературы и искусства мотивы «мудреца», «самости» - невинного первоначала, «тени» и прочего, что так или иначе заметно в готовых произведениях человека как «функции», но требует значительной тренировки интуиции и «хитрости» в качестве инструмента психолога). Но без этой сверх-аллегоризации, и так есть особенность в функциях таких полу-художественных мотивах, ведь никуда не деваются известные странники чувств, или предчувствий человека: страх, надежда или другие эмоциональные спутники размышления, или переживания. (здесь только скажу, что издревле их видели неразлучной парой ненависти/любви, страха/сострадания. То, что их видели парой – не совсем случайно, ведь имея один как бы более глубокий и не полностью «озираемый» предмет, две части эмоций могут и переходить друг в друга. Отчего некоторые «умники» заключают о «судьбе» чувства, когда оно рождается кристаллизуется и «умирает» - все это вполне в этом функциональном «понимании»). Так не вполне разборчивый человек, меняя свои пристрастия сначала то, что «любит», потом может возненавидеть и т.д. (З.Фрейд скорее полунаучно просто иллюстрировал заболевание человека с помощью всего одной пары любви-ненависти, когда я люблю, он не может меня любить путем извращения сознания становится: он может любить, но я не могу его любить, за то, что он не мог меня любить, потом, он меня ненавидит, а потом – я его ненавижу, и вся эта «драма» как-то ужилась в одной голове, вернее, скорее не ужилась). Но вряд ли здесь что-то совсем новое, поскольку берется уже испорченное, и разбирается, как оно испортилось, а мотив, как будто, скорее к новому. А для этого нужен какой-

то иной, чем фрейдов разбор. В одном из видов эмпиризма, к которому, кстати, хотел себя относить и З.Фрейд и еще некоторые ранние психоаналитики, и который назывался «позитивизм»). Ранний и позитивизм времен З.Фрейда плохо относился ко всему, что связано с психологией, стремясь все свести к самому наглядному (между прочим, и боли в конце концов), но уже ближе к нашему времени в качестве простого и начального кроме боли, могли уже попадать и другие чувства, скажем реактивная обида (вообще об этой обиде писал и Ф.Достоевский и Ф.Ницше). В-общем, пришло время начать речь об эмоциях или чувствах, пока что на языке функций.

3.3. Есть две позиции в отношении места эмоций в жизни человека, одна из них – сопутствующая и даже мешающая в отношении разумной жизни функция; другая, - нейтрально-независимая и даже способствующая. Вторая, обращая внимания на такой факт, что в эмоциях, например, таком сложном чувстве, как стыд, вовсе нет никакого «реагирования», но наоборот, - человек вообще стыдится, когда он еще ничего плохого не сделал, - будто предотвращая не подобострашное ему действие. И наоборот, совершая не подобный человеку поступок, он уже не боится, а, например, боится (за наказание). (Еще Платон в одном раннем диалоге оспаривал связку, «там где страх, - там и стыд», предполагая более правильное «там где стыд, там и страх» (Пл.Д.1986,с.263)). Поэтому есть спор между двумя позициями, в некотором смысле важный для понимания причин поступков (или вернее, их объяснения), особенно «функциональное» причинение, поиск основания. Наиболее распространенным было представление (по имени В.Джемса названное), в котором происходящее было именно «функциональным»: предположим человека, испугавшегося медведя и убегающего от него. Конечно, он при этом будет испытывать чувство страха, или вернее, думать о том, что боится и поэтому убегает от медведя. Функциональное объяснение в том, что мысль о бегстве приходит уже во время бегства, когда рефлекторно расширившиеся зрачки запустили адреналин и одновременно вызвали: отток

крови от кожи, «мурашки» и прочие «вазомоторные» реакции, «Аналогичные» реакции страха, ведь мы не можем себе вообразить страха без всех этих проявления, - ведь сама мысль о страхе – «не страшная» (проявления страха и сам страх – одно и то же, и «расширившиеся» зрачки – начало цепочки, в конце которой появится и оправдание того, что человек убегал от очень большого и страшного медведя)). Такое объяснение закон эмоций – это рефлекторная теория объяснения «во время» или «после» эмоции. (Долгое время бытовала похожая теория, что эмоции – это запуск эмоционального сопровождения при сравнении ожидаемого с соответствующим знаком удовольствия при совпадении или неудовольствия (страха, ненависти) при несовпадении. Начав с этого можно дальше «нанизывать» последующие эмоции, в отношении другого – признательности и не признательности, в отношении активных действий к другому – поощрения, обиды, и даже обратных отношений другого по отношению к себе – ревности, а также чувств по отношению к себе – самолюбие и т.д.). Все это нанизывание предполагает, кроме эмоций и то, что несомненно хотя бы один объект кроме себя, существует. В-общем, даже можно провести классификацию чувств в отношениях между «я» и другим» по уровням: чувство к «низшим» – жалость, к «подобным» - сострадание, и к «вышим» - благоволение. Если низшие чувства - рефлекторны, то высшие требуют не только работы по улучшению, образованию и просвещению чувств, но и самого признания другого объекта, другого человека (что не всегда случалось в истории мысли). После таких классификаций кажется естественным считать, что чувствами руководит ум, которому те должны подчиниться. (по крайней мере один знаменитый философ, опираясь на идеал равенства, что обнаруживать свои искренние чувства к один было бы не совсем справедливо в отношении других, поэтому надо полагаться на естественное течение событий, ожидая проявления аналогичных чувств и к другим, по крайней мере, искать такой закон, который бы потребовал от людей стремления к равному, равноправию, участию в чувствах). Однако –

все люди разные, с их выбором и глубиной и участием чувств, и другая позиция, - о том, что чувства отдельны или даже способствуют разуму тоже занимала свое место. Критике подверглось то место, где разум связывался с его возможностью от себя действительно что-то начать менять в мире, т.е. мотивированно поступать «по-своему». Ведь, если законы мира верны и неизменны, то откуда берется уверенность человека в своих силах. Даже познавая законы, человек не в силах изменить порядок вещей, но только объяснить, почему что-то так, а не иначе («свобода – осознанная необходимость»). Но здесь обнаруживается парадокс того, что выкидывая чувства из «настоящей» мотивации, и не рассматривая другого человека, не возможно преодолеть пропасть между тем, что есть и тем, «что должно быть». Человек будто остается в плену привычек, обманчиво принимая этот плен за настоящие законы мира, а поступки мнимо подтверждают его силу (тот же величайший философ считал, что открытые умом законы как-то соответствуют действительному порядку вещей через законы «чисел», короче, через устройство человеческого ума). Однако даже те законы морали, которые были выражены через принятые обществом приемы поощрения и наказания, несмотря на их действенность (наверное, не кажущуюся), все-таки предполагают свободу. Ведь не свободный человек не будет пугаться пристыживания или наоборот, человек, не почувствовавший вину, не может и почувствовать себя свободным. То опять дилемма – не свободный человек не может подчиниться методам мотивации, и наоборот, методы мотивации должны как-то воспитывать ум человека к большей чувствительности к другим (я бы сказал к свободе другим от своего влияния). Любая из эмоций или чувств, какую бы мы не взяли, имела бы свойство такого разделения на физиологическую, обязательную часть и «необязательную» психологическую. Даже боль, полностью «физическая» составляющая действия организма (чрезмерное напряжение так-называемых С-волокон в мозге), оказывается различной. Несомненно мы ее почувствуем в любом случае отношений, но если она приходит во время, скажем, операционной

помощи, то она лишена ответной агрессии (терпится) в отличие от агрессивного ответа в противоположных случаях. Так же и агрессия (о которой часто говорится, что это проявления чувств во время полового созревания у животных в определенные периоды и не более), имеет свои индивидуальные и коллективные аспекты влияния на поведения (толпы и индивидуума): считается, что не обязательно агрессия «перекинется» на человека, будь он не «заинтересован» в таком виде поведения. Так же и оскал ярости (сравниваемый не в пользу человека Ч.Дарвиным с оскалом приматов, обезьян), хотя и трудно подчиняется в приступе логике разума, но логикой разума может быть предотвращаем). Также и с обидой и плачем и прочими чувствами, мы можем их включить в совершенно иную систему (плакать от счастья, или обижаться на себя), причем при этом эмоция становится на «свое место». Вывод: отрезание разума от эмоций – это следствие неправильного понимания мотивации только разумом, и без понимания функции эмоции нечего говорить о «правильном» поведении. Такие «эмоции» как разочарование или сожаление или вина или стыд оказываются за рамками «мира привычек» из-за наличия не одного человека, субъекта поступка, а как минимум двух. (В то же время принятие решение – прерогатива одного человека, на что никак нельзя повлиять). Примером будет неудачное действие человека, в результате которого могли пострадать другие, но по стечению обстоятельств не пострадали. В то же время от такого же поступка другого, при не таком счастливом стечении обстоятельств есть ущерб», - и человек может ощутить чувство «моральной удачи», даже радость, что он остался «при своих». Но, однако, такие чувства человек не совсем можно испытывать, если он относится доброжелательно к другому человеку, от его поступка (неудачного и вредного). Более того, начав думать о нем, как о своего рода «больном» или «несчастливом» человеке, он, тем более, не будет испытывать обиды и соответственно, «моральной удачи». Наоборот, постепенно общаясь с другим и находя в нем такие же свойства как и у себя, возможно постепенное превращение отчужденного

«морального» отношения в менее отчужденное, и принятие его чувств. Однако это изменение к эмоциям идет противоположно представлению о возможности повлиять на поведение другого человека. Так, первоначально нам представляется возможным влияние на другого. Потом, приняв его мотивацию, мы не видим возможности не только влияния, но и самого представления о возможности повлиять на выбор другого человека. Такой новый поворот «функционального» подхода предполагает эмоцию как дополнительный (хотя и не обязательный) элемент мотивации в «картине жизни» человека.

Здесь вовсе может встать вопрос, а вообще может ли человек понимать и выстраивать свою жизнь по плану, («строить карьеру») и вообще, возможно ли рассуждение о жизни в целом или о «смысле жизни», как раньше любили говорить. Здесь тоже есть два подхода. Один из них (мы уже упоминали его под именем «романтический»), считает это и возможным и нужным. Второй, назовем его условно «метафизический» считает такую установку, по крайней мере не вдумчивой, если не обманчивой.

В решении этого вопроса на одной чаше весов – уважение к числам, величинам (математики и физике в целом), на другой – «образы» их связи (или нахождения их в каком-то еще, помимо сознания человека, скажем, в генах) «хранилище», обеспечивающим вместо хаоса порядок. Иллюстрацией могут послужить мысленные опыты на выбор поступка человека (и вообще место мысли в образе).